

УДК 316.613

ББК 88.531

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ОДИНОЧЕСТВА

Берзин Б.Ю.,

доктор философских наук, профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург, boris.berzin@uapa.ru

Статья рассматривает одиночество как пространство на континууме коллективизм-индивидуализм, особо выделяется роль неформальных практик, как регуляторов поведения людей. Основное внимание обращено к психологическим аспектам сожительства.

Ключевые слова: *одиночество, отчуждение, коллективизм, индивидуализм, неформальные практики, сожительство.*

INFORMAL PRACTICES AS A WAY OF OVERCOMING LONELINESS

Berzin B.

Doctor of Philosophy Science, Professor of Department of Theory and Sociology of Management, Ural Institute of Management - a branch of the Russian Academy of National Economy and the Public Administration under the President of the Russian Federation. Yekaterinburg, boris.berzin@uapa.ru

The article examines loneliness as a space on the continuum of collectivism-individualism, highlights the role of informal practices, as regulators of human behavior. The main attention is paid to psychological aspects of cohabitation.

Keywords: *loneliness, alienation, collectivism, individualism, informal practices, cohabitation.*

В мире становится все больше одиноких людей, причем, если раньше традиционно считалось это неотъемлемой чертой пожилого возраста, то сегодня является общепризнанным факт «одиночества молодых».

Особенно стали заметны масштабы распространения переживания одиночества с ростом числа городов, урбанизацией и глобальной информатизацией, со всеобщей доступностью к средствам массовой коммуникации.

Наиболее тесно, на наш взгляд, одиночество связано с категорией «от-

чуждение». Это отделение человека от самого себя и от других людей в результате воздействия общественных (социальных) сил, когда личность не способна стать (быть) хозяином самой себя, своих отношений с другими людьми.

Отчуждение выступает деструктивной силой, человек становится «вещью», «предметом» в руках общества, социальных групп, исчезает его субъектность. Еще Гегель в «Феноменологии духа» подчеркивал, что на каждом историческом этапе отчуждение имеет свои особенности, и в условиях современного общества индивид выступает как обособленное от других людей существо, как «одинокая самость» [1, 259].

Весьма интересный анализ одиночества через категорию «отчуждение» проведен С.Г. Корчагиной в монографии «Генезис, виды и проявления одиночества». Определяя одиночество как «психическое состояние, отражающее переживание своей отдельности, субъективной невозможности или нежелания чувствовать адекватный отклик, принятие и признание себя другими людьми» [3, 14], автор выделяет несколько видов одиночества: 1) отчуждающее одиночество (индивид осознает свое состояние и часто понимает чем оно обусловлено); 2) самоотчуждающее (потеря собственного «я», обезличенность общения, отчуждение от себя самого); 3) уединенность. Первые два вида являются пограничными состояниями и могут переходить в клиническую форму [3, 50-51].

Соглашаясь, в основном, с предложенным С.Г. Корчагиной пониманием одиночества, как процесса, как движения маятника по континууму от нормы до патологии, от идентификации до обособления, представляется, что было бы точнее обозначить этот континуум как пространство между коллективизмом и индивидуализмом, между различными системами ценностей.

Причем, в различные возрастные периоды жизни индивида их роль и значение могут меняться. Равновесное состояние устанавливается крайне редко. Чаще всего, одна из ценностей, коллективизм или индивидуализм, доминирует, а затем уступает свое место другой ценности [2, 15].

Именно крайние формы развития коллективизма и индивидуализма приводят к возникновению такого социального феномена как одиночество. В 1950 году была опубликована книга «Одинокая толпа». Один из ее авторов, Дэвид Рисмен выделил три типа людей:

а) ориентированных «на традицию» – в странах с высоким потенциальным приростом населения;

б) ориентированных «на себя» (связано с появлением контроля над собственной жизнью, интернализированной системой целей и ценностей) -- появляется в странах с переходным ростом населения;

в) ориентированных «на других» (особая восприимчивость к мнению и оценкам других, их ожиданиям и предложениям) – этот тип присущ, преимущественно, странам со спадом прироста населения [4, 124-128].

Именно среди лиц, ориентированных на других, по его мнению, чаще

всего и появляется такое психическое состояние как одиночество. Ориентация «на других» предполагает потребность в получении эмоционального отклика на свои действия, поведение, на межличностную коммуникацию.

Нетрудно заметить, что предложенную Д. Рисменом классификацию достаточно просто идентифицировать с индивидуалистическим и коллективистским типом общества, с коллективизмом (ориентация на традицию) и индивидуализмом (ориентация на себя).

Третья разновидность – «ориентация на других» является как раз промежуточным типом, выражающим крайне нестабильное состояние, зависящее от множества неопределенных факторов (мнений, оценок, настроений и чувств других людей, представляющих референтные для индивида группы).

Если при ориентации на традицию ответственность может перекладываться на общество и индивидуальное «Я» присоединяется к коллективному «Мы», а при ориентации на себя главной становится ответственность перед собой, ответственность за себя, то при ориентации на других такой надежной опоры нет. Личность, не будучи самодостаточной, может испытывать неуверенность, страх перед настоящим и будущим, другие отрицательные эмоции.

Если в качестве примера рассматривать семью как «других людей», направление ориентации индивида на вовне, то, используя также демографический подход, можно взять в качестве предмета анализа домохозяйства, состоящие из одного человека. Причем интерес представляет как само количество людей, проживающих одиноко, так и факторы, которые их вынуждают (покупают) к такому образу жизни.

Следует отметить, что термин «изоляция», который часто используется для такого проживания в противовес одиночеству как сугубо психологическому состоянию, на наш взгляд, не совсем корректен. Изоляция, по мнению Уильяма А. Садлера и Томаса Б. Джонсона – это состояние, которое можно наблюдать, регулировать и в какой-то степени контролировать [6, 24]. Но это состояние зависит от значения, которое ему придает человек, если оно ему доставляет удовольствие, то его нельзя рассматривать как одиночество. По нашему мнению данная характеристика свидетельствует о позитивном переживании одиночества и более точным было бы использовать понятие «уединенность». Изоляция предполагает физическую или моральную форму искусственного, санкционированного отчуждения индивида от других людей, что, конечно, отнюдь не предполагает переживания чувства одиночества.

Изоляция, тем не менее, может способствовать переживанию чувства одиночества. Для примера возьмем одиноко проживающих людей.

Проведенные в Российской Федерации переписи населения (2002г. и 2010г.) показали рост количества частных домохозяйств с одним проживающим человеком. Так, например, в 2002 году их насчитывалось 11,7 млн., в 2010 г. домохозяйства с одиноко проживающими гражданами уже составили вели-

чину в 14,02 млн. (25,69% всех домохозяйств). Это 10% населения страны, основная часть -- 10,8 млн. домохозяйств находится в городах.

Кроме того, добавим к ним более 58 тыс. бездомных проживающих в одиночестве.

Увеличилось количество домохозяйств с проживающими в них 1 человеком и в Уральском Федеральном округе (на 8,1%) и в Свердловской области (на 8,8%) [7], [8].

Наибольшее количество домохозяйств с 1 человеком зафиксировано в г. Санкт-Петербург (29,31%) и Северо-Западном федеральном округе (28,77%). В два раза меньше таких домохозяйств в Северо-Кавказском федеральном округе (14,72%). Уральский федеральный округ по этому показателю размещается где-то посередине (25,79%).

Среди субъектов РФ наименьшее число «одиноких» домохозяйств в Ингушетии (2,59%), Чечне (7,83%), Дагестане (8,63%), Кабардино-Балкарии (14,2%).

Противоположная картина сложилась на северо-востоке и в центре страны – Чукотка (34,8%), Магаданская область (33,74%), Ивановская область (30,94%), Псковская область (30,84% - на селе эта цифра составляет 36,15%), Тверская область (30,71%). Близки к этим показателям Тульская, Владимирская, Калужская, Ярославская, Смоленская, Рязанская и Новгородская области.

Субъекты РФ, входящие в состав Уральского Федерального округа, разделились по анализируемому показателю на 2 группы:

а) наиболее урбанизированные – Свердловская и Челябинская области – соответственно 27,25% и 27,29%, Курганская область – 26,73%;

б) Тюменская область 21,78%, Югра – 19,91%, Ямало-Ненецкий автономный округ – 19,27%. В Ханты-Мансийском автономном округе – Югра доля домохозяйств с 1 человеком на селе значительно отличается от числа зарегистрированных в городских населенных пунктах (соответственно 26,09% и 19,3%).

В качестве одного из факторов мы попытались рассмотреть такой социально-демографический признак как возраст людей, которые и составляют домохозяйства с одним человеком.

В качестве примера для анализа возьмем группу регионов с наибольшим числом «одиноких» домохозяйств и группу с наименьшим. Как гипотезу рассмотрим предположение о том, что основная часть домохозяйств с 1 человеком – это лица старших возрастных групп (55 лет – 64 года; старше 65 лет). Наименьшее количество домохозяйств с 1 человеком было зафиксировано в Северо-Кавказском федеральном округе. В округ входит 7 субъектов: 6 национальных республик и Ставропольский край.

Анализ статистических данных показал, что наша гипотеза полностью подтверждается только в одном субъекте – Ставрополье. Во всех националь-

ных республиках (за исключением Ингушетии, где практически нет различий) выделяется лишь одна возрастная группа – старше 65 лет, где количество «одиноких» домохозяйств составляет в среднем 10-15%. В Ставропольском крае таких групп две. В возрастной группе 55 лет – 64 года – 12%, в группе старше 65 лет – 24,4% [7].

В регионах, где выявлен достаточно высокий процент домохозяйств с 1 человеком заметно повышение удельного веса нескольких возрастных групп. другой особенностью является отличие северо-восточных территорий РФ от центральных областей России. И на Чукотке и в Магадане высок процент «одиноких» домохозяйств в разных возрастных группах.

Так, например, в Чукотском автономном округе: в группе 18-24 года – 10,8%, 24-34 года – 12,6%, 35-44 года – 13,6%, 45-54 года – 18,5%, 55-64 года – 25,9%, старше 65 лет – 43,7%.

В центральных областях заметен значительный удельный вес возрастных групп старше 55 лет (это характерно для всех регионов России кроме Северо-го Кавказа).

Особое место в качестве регуляторов как демографического поведения в целом, так и поведения одиноких людей в частности занимают формальные и неформальные практики. Велика их роль в регулировании (либо обострении, либо, наоборот, смягчении) противоречий, возникающих в процессе воспроизводства населения.

Практики как таковые являются формой проявления основных потребностей людей и воспроизводящими повторяющиеся типичные схемы, образцы действий по воспроизводству человека (населения в целом) как на индивидуальном уровне, так и на уровне различных социальных общностей. Эти схемы и модели поведения определяются официально закрепленными нормами (законами) и неформально существующими системами ценностей, норм, правил, образцов действий. Формальными практиками в сфере демографического поведения личности выступают брак, семья, материнство и отцовство, дети и т.д.

Неформальные практики играют в жизни общества и позитивную, и негативную роль. Особенно это заметно в истории отдельных государств, отстающих либо находящихся в стороне от основных мировых тенденций. Хотя, разумеется, существуют и однозначно (для господствующего общественного мнения) негативные неформальные практики.

Примером существования негативных неформальных практик в сфере воспроизводства населения, подчас нейтрализующих действия институтов формальных, являются наркомания, алкоголизм, суицид, а также различные виды делинквентного поведения. Неформальные институты, как регулятор репродуктивного поведения, проявляются, чаще всего, в качестве неформальных практик – деструктивной сексуальности, сексуальной перверсии, парофилий.

Формальные и неформальные институты, официальные и неофициаль-

ные практики образуют диалектическое единство, взаимодополняя и взаимобогащая друг друга. При «слабом государстве» неформальные институты могут выполнять одну из важных функций – они «микшируют» негативные последствия деятельности (бездеятельности) органов власти, либо создают условия для внедрения новых формальных практик в условиях смены социального порядка, общественно-политического режима (В.Я. Гельман, 2004).

В качестве гипотезы можно высказать предположение, что в современном обществе неформальные практики играют различную роль в регулировании демографического поведения. Сегодня во многом неконтролируемому росту населения противостоят, прежде всего, неформальные практики. Именно они влияют на уровень рождаемости и смертности, иммиграции и эмиграции. Но самое главное – они направлены, прежде всего, на снижение рождаемости. И основным фактором, проявляющимся через матрицу практик становится социокультурная детерминанта (С. Капица, 2004).

Ценности комфортной жизни, профессиональность образования и карьеры, ценности свободного времяпровождения становятся основополагающими. Сексуальная революция замещает ценности деторождения ценностями «оргастического поведения» (Ф.Н. Ильясов, 2005). Происходит снижение возраста сексуального дебюта, возросла терпимость к добрачным отношениям, причем сексуальным партнером все чаще становится случайный человек. Материнство становится лишь одной из социальных идентичностей женщины (И.С. Кон, 2005).

Возрастает число мужчин, неориентированных на репродуктивную функцию. Все это приводит к разделению полового и репродуктивного поведения, появлению индустрии по производству контрацептивных средств с мощной медиаподдержкой, программы планирования семьи превращаются в средство борьбы с рождаемостью. Усиливается пропаганда эгоизма, индивидуализма, «свободной любви». Появился своеобразный, «неформальный» свод правил деятельности в информационном поле (А.Н. Чумиков, 2009), который значительно повысил эффективность воздействия на репродуктивное поведение личности.

Эти факторы приводят к распространению такой неформальной практики, как сожителство.

Известный российский философ В.В. Розанов писал еще в начале прошлого столетия, что «мы живем накануне глубочайшего преобразования воззрений на семью, детей, супружество». [5, с. 295]. История подтвердила правоту его предвидения: религиозный брак в основном уступил место гражданскому, юридически оформленному браку. По мнению некоторых исследователей, последнему в перспективе уготована такая же участь. Социально-экономические и психологические перемены в обществе готовят почву для становления новой формы семейных отношений – супружеского союза (С.И.

Голод, 1998). Однако развитие семьи приобретает порой неожиданный, непривычный вид. Люди все больше обходятся при создании семьи без обращения к помощи государства, стремятся к любым формам преодоления одиночества. Так появился фактический и пробный брак, неформальный и виртуальный браки, союзы гомосексуалистов и лесбиянок. Юристы называют все эти формы одним словом - сожителство.

Исследования показывают, что число людей, вступающих в незарегистрированные браки, стремительно растет. В США их число увеличилось за 20 лет в 6 раз, причем, в возрастной группе до 25 лет – в 14 раз, в Великобритании ученые ожидают, что к 2035 году более половины мужчин и женщин будут проживать в незарегистрированном супружеском союзе

В Российской Федерации исследователи из ВИИОМ утверждают, что только 62% мужчин и женщин регистрируют свой брак в ЗАГСе. По данным Левада – Центра менее половины москвичей проживают в зарегистрированном браке.

Внебрачная рождаемость в России уже превышает 30% от общего количества родившихся детей. Причем удельный вес её значительно выше в сельской местности. Частота внебрачных рождений за последние 25 лет выросла более чем в 2 раза.

Показательно, что люди, вступающие в различные формы незарегистрированного брака, считают главным преимуществом отсутствие экономического расчета, какого – либо принуждения (например, из-за рождения ребенка – по данным С.И.Голода 24 – 38% родившихся детей были зачаты еще до регистрации брака), либо из-за давления родителей. В основе подобного брака лежат, прежде всего, личные чувства, любовь. За прошедшее столетия коренным образом изменилась мотивация к вступлению в брак. Американские ученые в конце XX века трижды, с периодичностью в 10 лет, задавали студентам колледжей один и тот же вопрос о вступлении в брак без любви – за двадцать лет количество отрицающих подобное среди мужчин увеличилось на 20%, среди женщин – на 60% (Ш.Тэйлор и др., 2004)

Причинами столь стремительного увеличения количества различных форм сожителства ученые называют длительный добрачный период с 11-14 лет до 26-29 лет – половое созревание наступило, но надо учиться и стать экономически независимым, добиться определенного материального и социального статуса.

Среди причин, побуждающих к сожителству, Яфф М., Фенвик Ф. (1991) считают, что немалую роль играют личностные особенности: эмоциональная незрелость, заниженная самооценка (неуверенность в своих силах, иногда выражающаяся в ревности), чрезмерная зависимость от партнера, эмоциональная изоляция (как неспособность проявления своих чувств и принятия чувств другого).

Результаты многих социологических опросов показывают, что молодежь в сожительстве ценит возможность свободного выхода из семейных уз. Пожилые люди видят в подобной форме отношений возможность избежать дележа имущества в случае конфликтной ситуации. Следует отметить, что за прошедшие десятилетия различные формы незарегистрированных отношений превратились в модную традицию: «все так живут», «так принято среди молодежи». Отсутствие узаконенных обязательств супругов предоставляет большую свободу для партнеров, возможности для самореализации каждого. Сожительство позволяет избежать развода как публичного поражения и в то же время выступает средством избежать зависимости от партнера.

К причинам, также объективно способствующим этому явлению, следует отнести рост материального благосостояния в развитых странах, происходящий в мире культурный сдвиг. Молодые люди получили возможность жить отдельно от родителей. Демократизация общественной жизни сформировала терпимость к альтернативным стилям жизни, обозначила как ценность свободу выбора. Общественное мнение в вопросах супружества стало значительно либеральнее и практически перестало реагировать на них, не порицая, но и не одобряя. Демографы считают (например, А.И.Антонов, 1986), что снижение смертности устранило необходимость в высокой рождаемости как основном средстве воспроизводства населения. Брак утрачивает свое назначение как традиционно регулируемая обществом постоянная связь между мужчиной (как правило) и женщиной. Произошел разрыв брачного и сексуального поведения с деторождением, их автономизация, что наряду с контрацептивным поведением и производством аборт, упрощением морали привело к сексуальной революции. Изменились социальные нормативы в отношении прекращения брака. Рост числа разводов показал хрупкость существующих семейно-брачных отношений, неуверенность людей в их продолжительности.

Свою роль сыграло и повышение роли общества, государства в социальной защите материнства и детства. Одним из последствий стал психологически объяснимый факт – превышение числа замужних женщин над женатыми мужчинами. Рост числа матерей – одиночек привел к увеличению нагрузки на бюджет, распространению иждивенческих настроений, снижению чувства ответственности.

Различные исследования показывают, что в семьях с без регистрации брака более низкий уровень доходов (число бедных семей с детьми среди состоящих в браке – 6%, сожителей – 31%, неполные семьи – 45%); выше уровень безработицы, им присуща меньшая религиозность. Среди лиц, живущих в сожительстве, много мужчин и женщин из неполных семей, либо ранее состоявших в законном браке (Н.Ю. Егорова, 2004).

Среди мотивов, лежащих в основе сожительства, исследователи (Н.И. Олифиревич и др.) называют такие:

- возможность восполнить дефицит общения, боязнь одиночества;
- отсутствие возможности иным образом выйти замуж (жениться), достичь своей цели;
- как способ отделиться от родительской семьи;
- компенсация чувства неполноценности – кому я такой (такая) нужен (нужна);
- иногда в качестве мотива выступает месть бывшему возлюбленному (возлюбленной) – как способ преодоления кризиса.

К указанным мотивам, мы считаем необходимым добавить сожительство, как один из способов ухода от одиночества, как средство его преодоления.

Литература:

1. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Том IV. Система наук. Часть 1: Феноменология духа. М., 1959.
2. Грибакин А.В. Апология индивидуализма // Человек: индивид и индивидуальность. Екатеринбург: изд-во УрГЮА, 1995.
3. Корчагина С.Г. Генезис, виды и проявления одиночества. М.: Московский психолого-социальный институт, 2005.
4. Рисмен Д. Некоторые типы характера и общества // Социс. 1993. № 3.
5. Розанов В.В. Семейный вопрос в России. М., 2004, с. 295
6. Садлер Уильям Л., Джонсон Томас Б. От одиночества к аномии. // Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989.
7. Число и размер частных домохозяйств по субъектам Российской Федерации // Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 08.01.2015).
8. Число и состав домохозяйств // Каталог официальных публикаций Всероссийской переписи населения 2002 года. Том 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=18> (дата обращения: 08.01.2015).